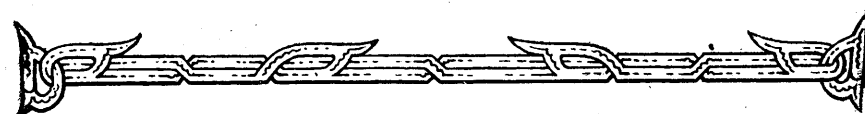

Сказанным определяются задачи, стоящие перед исследователем творчества Вассиана Патрикеева: выявление сохранившейся рукописной традиции сочинений Вассиана и текстологическое изучение ее, характеристика публицистической деятельности и общественно-политических взглядов Вассиана Патрикеева, а также пересмотр фактов его биографии в связи с политической и идеологической борьбой конца XV — начала XVI века, в частности в связи с борьбой вокруг монастырского землевладения, являвшейся питательной почвой нестяжательства.

Решению этих задач автор и хотел бы способствовать своей книгой.

ВОПРОС О МОНАСТЫРСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ НА РУСИ В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

1

Конец XV — первая половина XVI века в истории России были временем крупных экономических и социальных сдвигов. Одной из характерных черт экономического развития этого периода являлось изменение в соотношении различных видов феодальной земельной собственности. Княжеско-боярские вотчины, чьи владельцы не сумели приспособиться к развивающимся товарно-денежным отношениям, вступают в полосу кризиса; задолженность князей и бояр приводит к потере ими части земель, в результате чего общая площадь боярского землевладения сокращается¹. Монастыри, оказавшиеся в противоположность боярству энергичными и предприимчивыми хозяевами, успешно приспосабливаются к новым экономическим условиям и добиваются значительного расширения принадлежавших им земель. Быстро растет сложившееся к концу XV века поместное землевладение, опиравшееся на поддержку государственной власти. Все эти изменения в соотношении различных видов феодального землевладения происходили на фоне непрерывного уменьшения размеров черных крестьянских земель, за счет которых в конечном счете росла феодальная земельная собственность в целом².

Процесс перераспределения земли, являвшейся основным средством производства, затрагивал жизненные интересы различных классов, и поэтому уже с конца XV века, когда начали ощущаться первые результаты этого процесса, земель-

¹ Опричины как одной из причин, вызвавшей резкое сокращение боярского землевладения во второй половине XVI века, мы не упоминаем, так как имеем в виду только те процессы, которые действовали на протяжении всего рассматриваемого периода.

² Очерки истории СССР. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955, стр. 36—43.

ный вопрос становится одним из самых жгучих вопросов общественно-политической жизни Русского государства.

Особую остроту приобрел вопрос о монастырском землевладении. Это было обусловлено, с одной стороны, быстрым ростом монастырского землевладения, а с другой — тем, что этот рост в той или иной степени отражался на положении всех основных слоев населения Русского государства.

Рост монастырского землевладения осуществлялся различными средствами и за счет различных источников. Основными источниками, за счет которых происходило расширение монастырского землевладения, являлись черные крестьянские и вотчинные боярские земли. Черные земли переходили в руки монастырей путем заимки последними неиспользованной земли — выставления деревень «на лесех»; путем княжеских пожалований, которые, как правило, прикрывали уже совершившийся захват; путем купли, мены и т. д. За счет черных земель монастырские вотчины росли главным образом в северных районах страны — в Поморье, Двинском крае, где было слабо развито частное землевладение³.

В центральных районах страны, где было распространено вотчинное землевладение, важным источником роста монастырского землевладения являлись наряду с черными землями земли вотчинные. Постоянная потребность в деньгах заставляла владельцев вотчин прибегать к услугам монастырей, широко практиковавших ростовщические операции. Монастыри охотно ссужали князьям, боярам и мелким вотчинникам деньги под заклад вотчин, прибирая их постепенно к рукам. Значительная часть земель вотчинников поступала также в монастыри в виде вкладов на помин души. Подчеркивая ту роль, которую поглощение вотчинных земель играло в росте монастырского землевладения, в частности в формировании вотчины Троице-Сергиева монастыря, академик Б. Д. Греков указывает, что вотчины Троице-Сергиева монастыря «росли на боярских костях»⁴. Аналогичный вывод делает А. И. Копанев, исследовавший историю землевладения Белозерского края XV—XVI веков. Наблюдая историю частновладельческих вотчин на Белоозере, А. И. Копанев пишет: «Вотчины светских феодалов — обширные в XV в. — исчезли к концу XVI в. почти целиком. Крупнейший феодал края —

³ Г. Н. Образцов. Крестьяне вотчины Антониева-Сийского монастыря в XVI—XVII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1951, стр. 6—8.

⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1951, стр. 181.

Кирилло-Белозерский монастырь — забрал в свои руки большинство вотчинных земель»⁵.

Рост монастырского землевладения и активизация хозяйственной деятельности монастырей отрицательно отражались и на положении посадского населения. Монастыри, подобно крупным светским феодалам, издавна владели в городах дворами. Эти дворы имели оборонное и хозяйственное значение: они служили убежищем на случай «осады» и в то же время являлись организационными центрами различного рода промыслов, представленных в хозяйстве крупного феодала. Во второй половине XV и первой половине XVI века происходит массовое превращение вотчинных городских дворов в слободы, заселенные зависимыми от вотчинника крестьянами и ремесленниками. Население этих слобод в силу иммунитетных прав их владельцев освобождалось от уплаты государственных налогов, что ставило его в льготные по сравнению с посадскими тяглецами условия и позволяло успешно конкурировать с последними в сфере торгово-ремесленной деятельности. Особенно энергично превращали свои городские дворы в слободы монастыри, стремясь включиться в новые условия экономической жизни. Превращение монастырских городских дворов в слободы имело отрицательные последствия для посадского населения не только потому, что появлялись конкуренты в лице вотчинных торговцев и ремесленников, но также и потому, что этот процесс сопровождался захватом монастырями земель, принадлежавших посадам, — пожней, лугов и т. д., на которых монастырские власти ставили избы для поселяемых в них вотчинных слобожан⁶.

Таким образом, рост монастырского землевладения ущемлял интересы различных слоев русского общества — не только крестьянства и боярства, чьи земли энергично поглощались монастырями, но и посадского населения. Это обусловило неизбежность возникновения в русском обществе широкого протеста против вотчинных прав монастырей и стремления добиться ликвидации или хотя бы ограничения их.

На положении дворянства рост монастырского землевладения непосредственно не отражался, ибо поместья, которыми дворяне владели на праве условной собственности, не могли являться предметом каких-либо сделок. Это делало невозможным переход дворянских земель в руки монастырей.

⁵ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 181.

⁶ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1. М.—Л., 1947, стр. 78—85.

И тем не менее рост монастырского землевладения не мог не привлечь живейшего внимания дворянства: дворянство, мечтавшее о расширении поместного фонда, не могло безучастно смотреть на то, как лучшие обработанные и заселенные земли переходили в руки монастырей. Рост монастырских вотчин должен был вызвать отрицательную реакцию и среди дворянства.

2

Протест против монастырского землевладения выражался в различных формах социальной и политической борьбы.

Черносошные крестьяне, чьи земли попадали в руки монастырей главным образом путем прямого захвата, лишь прикрываемого княжескими пожалованиями, пытались активно бороться против наступления монастырей. В ряде случаев, проявляя большую проницательность, крестьяне оказывали сопротивление основанию монастырей. В «Житиях» святых, главным образом северных районов, где была сильна крестьянская община, сохранились рассказы о том, как крестьяне прогоняли «святых» — основателей монастырей, опасаясь, что со временем монахи завладеют их землями. Так, в «Житии Дмитрия Прилуцкого» рассказывается, что когда Дмитрий поставил церковь «на пуге месте, на реке Леже», то местные жители подняли великий ропот: «помыслиша бо в себе, яко сей великий старец зде близ нас вселися, по мале же времени совладеет нами и селы нашими»; Дмитрий, слышав ненависть их, удалился⁷. Биограф Даниила Переяславского сообщает, что крестьяне из окрестных сел приходили «с оружием и дреколами» и не давали инокам копать землю в ограде монастыря, говоря Даниилу: «Почто на нашей земле построил еси монастырь? Или хочещи землями и селами нашими обладати?». «Еже и сбысться последи», — замечает биограф⁸. Аналогичные случаи имели место со Стефаном Махрицким, Антонием Сийским⁹, Даниилом Глушицким, Александром Ошевенским и другими¹⁰. Характерно, что во всех случаях, крестьяне, по словам авторов «Житий», мотивировали свое поведение опасением, что монастырь «по мале времени» завладеет ими и их селами¹¹.

⁷ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I. Одесса, 1871, стр. 20, прим. 1.

⁸ ПСРЛ, т. XXI, вторая половина. СПб., 1913, стр. 619.

⁹ А. Павлов. Ук. соч., стр. 20—21, прим. 1.

¹⁰ Очерки истории СССР. XIV в. — XV в. М., 1953, стр. 122—126.

¹¹ А. Павлов. Ук. соч., стр. 20—21, прим. 1.

В тех случаях, когда монастыри уже прочно стояли на бывших крестьянских землях, крестьяне пытались вернуть их, обращаясь к судебным властям. Количество поземельных исков к монастырям возрастает во второй половине XV — начале XVI века, что было связано, как нам кажется, с усилением в этот период наступления монастырей на крестьянские земли. Крестьяне обращались в суды организованно — всем миром, обвиняя монахов в захватах их старинных земель. Так, крестьяне Волочка Словенского предъявили иск Кирилло-Белозерскому монастырю на 48 деревень и 3 пустоши, то есть на 84,2% всех деревень Кирилло-Белозерского монастыря в этой волости. Эти деревни, как заявляли крестьяне, были насильно захвачены монастырем. Однако иски крестьян Волочка Словенского, так же как и подавляющее большинство других крестьянских исков, решались в пользу монастырей¹².

Протест посадского населения против монастырского землевладения раньше всего зародился в Новгороде и Пскове. Из грамот митрополита Киприана мы узнаем, что в Новгороде и Пскове в конце XIV века имели место покушения на церковное землевладение. В грамоте новгородскому архиепископу Иоанну, датированной 1392 годом, митрополит специально останавливается на вопросе о неприкосновенности церковных земель: «А что погосты и села, и земли, и воды, и пошлыны, что потягло к церкви божьей, или купли, или кто дал по души памяти деля, а в то ни один хрестьянин не вступается»¹³. С аналогичным наставлением митрополит обратился в 1395 году в Псков: «А что земли церковныи или села, — писал Киприан, — купли ли будутъ или кто будетъ дал, умирая, которой церкви, а в те бы есте земли не вступалися никто от вас, чтобы церковь божья не изобижена была, занеже в том грех велик от бога»¹⁴. Из этих грамот совершенно очевидно, что в Новгороде и Пскове в конце XIV века проводились какие-то мероприятия, имевшие целью частичную секуляризацию (или конфискацию) церковных земель, и что именно поэтому митрополит в своих грамотах счел нужным специально поставить вопрос о неприкосновенности церковных земель. Секуляризационные настроения в Новгороде оказались живу-

¹² Очерки истории СССР. Конец XV в. — начало XVII в., стр. 94—95; А. И. Копанев. Ук. соч., стр. 113, 195.

¹³ РИБ, т. VI. СПб., 1880, № 26, стр. 229—232.

¹⁴ Там же, № 27, стр. 232—233. — Вопрос о неприкосновенности церковных земельных владений ставится также в «Поучении новгородского архиепископа Симеона псковичам. 1419 г.» (РИБ, т. VI, № 47, стр. 402).

чивыми: спустя три четверти столетия там опять имели место покушения на церковную собственность. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1467 году московский митрополит Филипп обратился к новгородскому архиепископу, новгородским властям и всем новгородцам со специальным посланием, осуждающим тех новгородцев, которые «имения церковные и села данаа хотять имати собе»¹⁵.

Рассматриваемые грамоты не дают никаких указаний на ту социальную среду, которая питала выступления против церковной собственности. Скорее всего этой средой являлся посад, интересы которого ущемлялись наличием церковных земель в черте города. В то же время секуляризационные настроения могли зародиться и среди боярства, которое в лице быстро растущих монастырских вотчин справедливо осматривало своих хозяйственных конкурентов.

Тот факт, что выступления против церковных земель раньше всего имели место в Новгороде и Пскове, объясняется условиями их социально-экономического развития — высоким уровнем развития городской жизни и активным участием посадского населения в политической борьбе. Однако, опять-таки в силу особенностей социально-политического развития Новгорода и Пскова — отсутствия сильной центральной власти, способной серьезно посягнуть на могущество церковных феодалов, — секуляризационные мероприятия в этих феодальных республиках вряд ли могли иметь сколько-нибудь значительные масштабы. Вероятно, они сводились к конфискациям у отдельных церквей и монастырей земель, приобретенных ими, с точки зрения новгородских и псковских властей, незаконно.

Серьезные изменения в вотчинных правах церкви в городах произошли лишь в конце XV — начале XVI века. В это время в связи с образованием Русского централизованного государства происходила перестройка городов на новых началах: вотчинные города, зависевшие от князей, превращались в «государевы». Этот процесс сопровождался пересмотром права церкви на владение городскими дворами и сокращением этих прав. Сохранившиеся от конца XV века писцовые описания отдельных городов свидетельствуют о том, что в ряде случаев монастырские слободы и дворы отписывались на великого князя и население их переводилось на положение посадских тяглецов¹⁶. Очевидно, в основе действий писцов

¹⁵ РИБ, т. VI, № 101, стр. 717—718.

¹⁶ П. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 85—95.

лежал несохранившийся «указ слободам» Ивана III¹⁷, который заключался в предписании отбирать на государя все неподтвержденные новыми московскими жалованными грамотами городские и подгородные владения феодалов — бояр и монастырей¹⁸. Этот указ, продиктованный главным образом соображениями фискального характера, объективно отвечал интересам посадского населения.

Но политика Ивана III определялась в первую очередь интересами дворянства. Это особенно ярко сказалось в направлении его земельной политики. В конце XV — начале XVI века правительство Ивана III проводит ряд мероприятий, имевших целью ограничение церковного и монастырского землевладения в интересах господствующего класса, и прежде всего дворянства.

К числу этих мероприятий относится попытка правительства использовать церковные земли для удовлетворения нужд служилых людей, не производя, однако, ломки сложившихся отношений. Одним из средств для этого явилось использование земель митрополичьей кафедры для обеспечения на началах условного держания княжеских слуг. От второй половины XV века сохранился ряд жалованных грамот митрополитов феодалам различных рангов, получившим в условное держание земли кафедры. Держатели, в свою очередь, давали кафедре ответные записи, в которых были занесены условия держания. Одну из основных статей этих записей составляет условие не осваивать и не отчуждать кафедральные земли: ни «в прок не освоити, ни детям свои не дати, ни продати, ни променити», так как «то земля церковна и митрополичья»¹⁹. Настойчивость, с которой повторяется это условие, показывает, что митрополиты смотрели на отдачу своих земель в держание великокняжеским слугам, как на предприятие не вполне надежное, и поэтому вряд ли они практиковали его по собственной инициативе. И действительно, в ряде случаев имеются указания, что митрополиты «жаловали» земли кафедры великокняжеским слугам на основе прямого распоряжения великокняжеской власти²⁰.

¹⁷ Указ упоминается в царских вопросах Стоглавому собору: «И взрите в дедовы и в батковы в уставные книги: каков был указ слободам, ино бы так и ныне учинити». (И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. Соч., т. I, стр. 78).

¹⁸ П. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 94.

¹⁹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II. М., 1951, стр. 194—201.

²⁰ Там же, стр. 194.

Но эта мера не могла решить, конечно, вопроса об обеспечении дворян землями. Более решительную попытку разрешить этот вопрос правительство сделало после присоединения Новгорода к Русскому государству. Эта попытка была связана с проведенной в Новгородской земле грандиозной аграрной реформой — ликвидацией боярских и монастырских вотчин. О ходе реформы судить трудно, ибо отрывочные, а порою путанные известия источников не позволяют восстановить полную картину произведенных Иваном III в Новгороде земельных конфискаций. «Сколько раз вообще отбирал земли Иван III у Новгорода и, в частности, у новгородской церкви, пересчитать очень трудно, даже прямо невозможно», — пишет Б. Д. Греков²¹.

Есть сведения о том, что уже в 1476 году, во время первого «мирного» похода на Новгород, когда Иван III отобрал вотчины у шести «великих бояр», он пытался поднять руку и на церковные земли²². В 1478 году, когда между новгородскими властями и Иваном III происходили переговоры об условиях подчинения Новгорода, вопрос о церковных землях стал предметом настоящего торга. Иван III потребовал передачи ему половины земельных владений владыки и шести крупнейших монастырей, заявив, что без земли ему нельзя держать свое «государство» в Новгороде. Но в ходе переговоров великий князь пошел на уступку и довольствовался отобранием у владыки 10 волостей, а у шести крупнейших монастырей — половины земель²³.

Политика Ивана III в Новгороде, направленная на слом могущества местного феодального класса, вызвала рост оппозиционных настроений. Ответом на них явились массовые репрессии 80-х годов — «выводы» новгородских бояр и конфискация у них земель. В результате произведенных конфискаций к концу 80-х годов с частным землевладением в Новгоро-

²¹ Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии. СПб., 1914, стр. 248.

²² Большинство летописей начало конфискаций земель у новгородской церкви связывает с 1478 годом. Но в Бальзеровском списке Софийской I летописи и Дубровском списке Новгородской IV летописи это событие приурочивается к 1476 году, ко времени похода Ивана III «миром». Подробный разбор известий этих списков производит И. В. Лепко, которая приходит к выводу о том, что в 1476 году Иван III не только поставил вопрос о конфискации церковных земель, но действительно отобрал у нескольких наиболее крупных новгородских монастырей часть принадлежавших им земель (И. В. Лейко. Поход Ивана III «миром» в 1476 г. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 78, 1948, стр. 151—154. — См. также: В. Н. Бернадский. Политика Ивана III в Новгороде. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 61, 1947, стр. 101—102).

²³ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 216—217.

де было покончено²⁴. Репрессии 80-х годов коснулись и новгородской церкви — в 1480 году великий князь «поймал владыку Феофила». Надо полагать, что одновременно на великого князя была отписана и какая-то часть владычных земель²⁵. Последний удар новгородской церкви был нанесен в 1500 году, когда «по благословению Симона митрополита поймал князь великий Иван Васильевич в Новгороде в Великом церковные земли на себя, владычни и монастырские, и роздал детям боярским в поместье»²⁶.

Массовые отобрания земель у новгородских вотчинников в 80-х годах промосковски настроенные летописцы изображают как репрессии, наложенные на лиц, «которые коромолу держали»²⁷, т. е. эти акты представляли собой конфискацию в точном смысле этого слова — лишение имущества лиц за определенную вину, в данном случае за оппозиционность по отношению к великому князю московскому. Отобрание земель у новгородской церкви в 1500 году источники никак не мотивируют. Рассматривался ли правительством этот акт, подобно предыдущим, как конфискация или нет, — это в конечном счете не имеет значения. Независимо от мотивов, которыми руководствовалось правительство, производя на протяжении последней четверти XV века последовательные конфискации земель у новгородской церкви, эти действия объективно в силу огромных масштабов конфискаций должны были поставить под сомнение самый принцип незыблемости церковного землевладения. Конфискации церковных и монастырских земель в Новгороде перерастали в секуляризацию (правда, в рамках одной области).

В результате ликвидации вотчинного и монастырского землевладения в Новгородской земле в руках правительства оказался земельный массив размером около миллиона десятин обрабатываемой земли. На этой земле было помещено около 2000 московских дворян²⁸. Приведенные цифры наглядно показывают, чьими интересами руководствовалось правительство Ивана III, проводя земельную реформу в Новгороде.

3

В период феодализма, когда церковь являлась важнейшей надстройкой, укреплявшей своим учением базис феодального

²⁴ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М.—Л., 1947, стр. 286.

²⁵ В. Н. Бернадский. Ук. соч., стр. 104.

²⁶ ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 249.

²⁷ Там же, стр. 215.

²⁸ С. Б. Веселовский. Ук. соч., стр. 287, 290.

общества, вопрос о церковных землях не мог ограничиваться рамками только социальной и политической борьбы. Он неизбежно должен был быть перенесен в область борьбы идеологической, ибо в условиях господства религиозного мировоззрения покушения на церковную собственность нуждались в идейном, религиозном обосновании. На Руси первыми дали это обоснование еретики.

Ереси в период средневековья представляли собой одну из форм «революционной оппозиции против феодализма»²⁹. Будучи направлены против господствующей церкви, они вместе с тем выражали протест угнетенных классов против феодального строя в целом. Почти во всех еретических учениях большое место занимал вопрос о монастырском землевладении. Это было обусловлено тем, что основная часть церковных земель принадлежала монастырям, которые по отношению к народным массам выступали как крупнейшие феодальные собственники и эксплуататоры.

Уже в ереси стригольников — первой русской ереси, получившей широкое распространение в обществе³⁰, — имелся ряд положений, направленных против монастырского землевладения. Отрицая всю обрядность, связанную со смертью, стригольники учили, что «не достоин де над мртвými пети, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносить к церкви, ни пиров творити, ни милостыни давати за душу умершаго»³¹. «Милостыня за душу умершего» часто представляла собою земельные вклады, которые давались в монастыри с тем, чтобы монахи молились за вкладчика в вечные времена «до последнего рода». Вклады по душе являлись, таким образом, одним из важных источников роста земельной собственности монастырей. Поэтому отрицание стригольниками обрядов, связанных со смертью, было направлено и против дальнейшего роста земельных владений монастырей. В качестве идейного обоснования отрицания имущественных прав церкви могла быть использована и проповедь нестяжания, составлявшая одну из характерных черт учения стригольников. Ссылаясь на Христа, повелевшего апостолам: «не имете влагалищ, ни меди при поясах

²⁹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128—129.

³⁰ Ересь стригольников была распространена в Новгороде и Пскове во второй половине XIV — первой трети XV века.

³¹ Поучение епископа Стефана против стригольников. В кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 241.

ваших», стригольники осуждали духовенство и церковь за стяжание богатств³².

Если приведенные выше положения стригольников были направлены против вотчинных прав монастырей лишь косвенным образом, то прямое непризнание их означал тезис об отрицании монашества, выдвинутый стригольниками в последний период их движения. Этот тезис четко сформулирован в обличительной грамоте против стригольников митрополита Фотия в Псков от 22 июня 1427 года: «Слышу, — пишет митрополит, — тех некоторых, яко отступлены от бога, о своем крестьянстве небрегуще, но и чин великого божья священства, иночества, яко ни во чтоже полагаяще, но и умаляюще»³³. Выступление стригольников против монашества наносило удар по вотчинным правам монастырей, ибо естественно, что отрицание института монашества предполагало отрицание и его материальной базы — монастырского землевладения. Отрицание монашества и связанного с ним монастырского землевладения представляло собой логическое развитие ереси стригольников, типичной городской ереси, главное требование которой заключалось в требовании «дешевой церкви»³⁴.

Спустя столетия после подавления ереси стригольников, в 70-х годах XV века, в том же Новгороде, который был родиной стригольничества, вновь вспыхнуло еретическое движение. На этот раз оно не ограничилось периферией и захватило столицу Русского государства — Москву. Насколько можно судить по неполным и тенденциозным показаниям источников, новгородско-московская ересь конца XV — начала XVI века по своему характеру, так же как и ересь стригольников, была городской ересью с ярко выраженным рационалистическим уклоном.

Еретики подвергали нападкам феодальную церковную организацию и основные догматы христианской религии³⁵. Большое место в их учении занимала критика монашества. Еретики критиковали институт монашества, основываясь на «писании», которое они противопоставляли «преданию». Эта характерная черта учения еретиков четко выражена в заголовке к 11-му слову «Просветителя», написанному Иосифом Волоцким в защиту монашества с целью опровержения доводов еретиков. Заголовок, передающий аргументацию ерети-

³² Там же, стр. 239—241.

³³ Там же, стр. 251.

³⁴ Характеристику ереси стригольников см. у Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье (ук. соч., стр. 34—73).

³⁵ Об учении новгородско-московских еретиков см. у Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье (ук. соч., стр. 109—224).

ков, начинается словами: «На ересь новгородских еретиков, хулящих иноческое жительство и глаголящих, яко иноци оставшия заповедь божию и пророческое, и евангельское, и апостольское писание, и самосмышлением и самоучением изобреташа себе житие, и держат предания человеческого»³⁶. Из приведенного заголовка совершенно очевидно, что еретики рассматривали монашество как институт, не имеющий опоры в священном писании и целиком основанный на человеческом предании; в соответствии с этим иноческий образ жизни они объявляли результатом «самосмышления» и «самоучения» и, следовательно, подлежащим отрицанию. В своих выступлениях против монашества еретики ссылались на пример Христа и апостолов. Так, полемизируя со своими противниками, они указывали, что если бы богу было угодно иноческое жительство, то Христос и апостолы изображались бы в иноческом образе, а между тем они пишутся только в мирском³⁷. Вопросы о монастырском землевладении новгородско-московские еретики, судя по изложению их взглядов Иосифом Волоцким, специально не ставили, но само собой разумеется, что отрицание монашества как особого института предполагало и отрицание монастырского землевладения.

Именно это обстоятельство обусловило участие в еретическом движении лиц, принадлежавших к господствующему классу. Основную массу еретиков составляли представители духовенства и посадского населения. Но вместе с тем участниками московского еретического кружка были выдающийся русский дипломат великокняжеский дьяк Федор Курицын, его брат Иван Волк Курицын, Иван Черный, «что книги писал» (вероятно, тоже служилый человек), и, наконец, невестка великого князя Елена Волошанка. Еретикам одно время сочувствовал и великий князь. По его прямому указанию в 80-х годах из Новгорода в Москву были переведены видные деятели новгородских еретиков — попы Алексей и Денис, поставленные служить в крупнейших московских храмах. В 1503 году, когда гонители еретиков потребовали решительной расправы с ними, Иван III не сразу дал на нее свое согласие. Именно поэтому Иосиф Волоцкий в письме к великокняжескому духовнику Митрофану жаловался, что «государь наш князь великий блюдется греха казнити еретиков»³⁸.

³⁶ Иосиф Волоцкий. Просветитель. Казань, 1896, стр. 405.

³⁷ Там же, стр. 435 и 441.

³⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 437.

Участие в еретическом движении представителей высшего слоя служилых людей, а также медлительность и нерешительность великого князя в вопросе о казнях еретиков объясняется тем, что учение еретиков в какой-то степени было созвучно устремлениям господствующего класса. В период, когда остро встал вопрос о земле и когда на церковное землевладение смотрели как на возможный источник удовлетворения земельных appetитов служилых людей, учение еретиков давало необходимое идейное обоснование секуляризационным планам, вынашивавшимся в правительственных кругах. По меткому выражению В. Н. Бернадского, еретики своими нападениями на церковь снимали «грех с души Ивана III», когда тот проводил конфискации церковных земель в Новгороде³⁹.

Однако, несмотря на возможность использования отдельных сторон учения еретиков в интересах господствующего класса, в целом оно не могло быть приемлемым для феодального класса и феодального государства. Новгородско-московская ересь, так же как и ересь стригольников, по своей социальной направленности была антифеодальной, и это предопределило конечную участь еретиков. Великий князь в конце концов дал свое согласие на расправу над еретиками. Собор 1504 года вынес смертные приговоры еретикам, и вскоре в Москве запылали первые инквизиционные костры, на которых окончили свою жизнь наиболее видные деятели еретического движения.

На критику еретиками церковного стяжания и посягательства великокняжеской власти на церковные земли церковь отвечает созданием теории, обосновывавшей святость и неприкосновенность ее имущественных прав. Эта теория создается в кружке воинствующих церковников, группировавшихся вокруг новгородского архиепископа Геннадия. Раньше всего церковь переходит в идеологическое наступление там, где ей грозила наибольшая опасность: Новгород был центром еретического движения, в Новгородской земле широкий размах получили конфискации церковных земель. В конце XV века в кружке Геннадия был написан трактат «Слово кратко противу тех, иже в вещи священные подвижные и неподвижные съборные церкви вступаются», вероятным автором которого является доминиканец Вениамин, находившийся на службе у архиепископа Геннадия⁴⁰. В «Слове кратком» церковная собственность рассматривается как собственность бога и поэтому всякие покушения на нее приравняются к святотат-

³⁹ В. Н. Бернадский. Ук. соч., стр. 104.

⁴⁰ А. Д. Седельников. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина. Изв. ОРЯС АН, т. XXX, 1925.

ству, за которое следует мучение в вечном огне⁴¹. Насыщенное историческими примерами — примерами царей и князей, понесших страшные кары за то, что они посягали на церковные имущества, — «Слово кратко» должно было служить грозным предостережением для современников. Однако в конце XV века идеи «Слова кратка» не приобрели еще широкого распространения. Они получили официальное признание лишь в начале XVI века, когда господствующим направлением в русской церкви стало иосифлянство⁴².

В связи с тем сложным положением, в котором оказалась русская церковь в конце XV века, среди духовенства возникают два идеологических течения — иосифлянство и нестяжательство, ставившие своей целью укрепление православной церкви, но, как мы увидим ниже, совершенно различными методами и средствами.

Согласно утвердившейся в науке точке зрения, нестяжательство и иосифлянство с момента своего возникновения представляли противоположные (в рамках православия) направления церковно-политической мысли: для первого были характерны идеи внутреннего самоусовершенствования и осуждения монастырского стяжания, для второго — пиетет перед внешней обрядностью и защита монастырских имуществ.

В последнее время Я. С. Лурье сделал попытку пересмотреть традиционную точку зрения на нестяжательство и иосифлянство. Сопоставляя взгляды Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, Я. С. Лурье отмечает, что между ними действительно имелись расхождения, из которых впоследствии «выросли враждебные программы нестяжателей и иосифлян. Но в конце XV века в сочинениях обоих авторов яснее выступали черты сходства, нежели различия»⁴³. Черты сходства Я. С. Лурье усматривает главным образом в наличии в монастырском «Уставе» Нила Сорского и первоначальной краткой редакции «Устава» Иосифа Волоцкого (составленной в начале XVI века) принципов личного нестяжания и обязательного «рукоделия» иноков⁴⁴.

⁴¹ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым, ХХІ. «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ. М., 1902, стр. 11—12.

⁴² См. ниже, стр. 33—35.

⁴³ Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии панного иосифлянства. ТОДРЛ, т. XII, 1956, стр. 124.

⁴⁴ Там же, стр. 123—126. — Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого, введенная в научный оборот Я. С. Лурье, была составлена, по мнению исследователя, «в обстановке борьбы с новгородско-московской ересью в тот период, когда еретическое движение представляло собой еще действительную и серьезную силу», то есть, очевидно, в начале XVI века (там же, стр. 129).

Нам кажется, что одного факта наличия этих принципов в «Уставах» Нила Сорского и Иосифа Волоцкого недостаточно для утверждения тезиса о близости их мировоззрения, ибо первый принцип — принцип личного нестяжания — является общехристианским (вспомним его популярность у еретиков), а второй — принцип обязательного рукоделия иноков — присущ всем направлениям христианской религии, признающим институт монашества⁴⁵. Для суждения об учениях Нила Сорского и Иосифа Волоцкого следует исходить не из указанных положений, свойственных в значительной степени христианскому мировоззрению в целом, а из общей направленности их учений, во-первых, и из конкретного понимания ими принципа нестяжательства, во-вторых (с последним тесно связан вопрос об организации монашества).

Общая направленность «Устава» Нила Сорского и «Устава» Иосифа Волоцкого, «дух» каждого становятся достаточно очевидны уже даже при сопоставлении их оглавлений:

Устав Нила Сорского

1. О различии еже на нас мысленна брани, победы и побеждения, и еже тщательно противитися страстем.

Устав Иосифа Волоцкого (краткая редакция)

Слово 1. О соборной молитве.

⁴⁵ Вероятно, именно поэтому те представители дореволюционной историографии, которые отмечали наличие и у Иосифа Волоцкого и у Нила Сорского темы нестяжания, не считали возможным на основе этого факта говорить о близости их мировоззрения (см.: А. Павлов. Ук. соч., стр. 13; Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV, XVI веках и в начале XVII. Христианское чтение, 1907, август, стр. 170, прим. 2).

Не является с нашей точки зрения доводом в пользу тезиса о близости мировоззрения Нила Сорского и Иосифа Волоцкого и указание Я. С. Лурье на то, что сочинения Нила Сорского встречаются в иосифлянских сборниках, а два иосифлянских монаха Нил Полев и Дионисий Звенигородский одно время жили в заволжских скитах (Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 124). Как известно, пребывание Нила Полева и Дионисия Звенигородского у заволжских старцев закончилось обвинением последних в ереси. Вполне вероятно поэтому, что поездка Нила Полева и Дионисия Звенигородского в Заволжье была вызвана отнюдь не пиететом иосифлян по отношению к Нилу Сорскому (см. ниже, стр. 28, прим. 71). Что касается наличия сочинений Нила Сорского в иосифлянских сборниках, то этот факт также не может свидетельствовать о том, что между учениями Нила Сорского и Иосифа Волоцкого было больше сходства, нежели различия: в средневековых рукописных сборниках часто рядом встречаются сочинения самых различных направлений; кроме того, поскольку оба автора стояли на почве православия, постольку отдельные черты мировоззрения каждого из них могли импонировать приверженцам другого мировоззрения (несмотря на различие учений в целом).

2. О борении нашем еже к сим, и яко памятью божиею и хранением сердца, **сиречь** молитвою и безмолвием умным, побеждати сих, и еже како действовати сия. В нем же и о даровании их.

3. О еже како и чим укреплятися в состоянии ратей мысленного подвига.

4. О обдержании всего делания в жетельстве нашем.

5. О различии нашего борения и победы на осмь началнейших помысл страстных и прочих.

6. Обще на вся помыслы.

7. О памяти смертней и страшнем суде, како поучитися о сих, да стяжим сии помыслы в сердцах наших.

8. О слезах, како подобает творити хотящим обрести сия.

9. О хранении еже по сих.

10. О отсечении и беспопечении истинным, еже есть умиртвие от всех.

11. О еже не прежде времени и подобными мерами сия делания подобает творити, и о молитве о сих, и прочих нуждных⁴⁶.

Произведенное сопоставление наглядно показывает разницу в направленности учений Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. «Устав» Нила Сорского подчинен идее нравственного внутреннего самоусовершенствования иноков, «Устав» Иосифа Волоцкого проникнут духом железной дисциплины и внешней обрядности.

Содержание «Уставов» соответствует их оглавлениям. Центральной частью «Устава» Нила является 5-е слово «О различии нашего борения и победы на осмь началнейших помысл страстных и прочих», в котором автор детально, с глубоким знанием природы человека, пишет о необходимости борьбы с «страстными помыслами» — чревоугодием, блудом, сребролюбием, гневом и т. д.⁴⁸; только победив эти помыслы, инок может достигнуть высшей цели иночества — «безмолвия умного и истинной молитвы». Уход от внешнего мира, углубление в мир внутренний, созерцательность — эти характерные черты мировоззрения Нила Сорского ярко проступают в его «Уставе». Идея внутреннего самоусовершен-

Слово 2. О пищи и о питии.

Слово 3. О еже не беседовати на трапезе.

Слово 4. О одеждах и обуви.

Слово 5. О святых иконах и о книгах.

Слово 6. О еже не беседовати по павечернице.

Слово 7. Яко не подобает... исходить вне обители.

Слово 8. О еже подобает потщитися всякому на сборное дело.

Слово 9. Яко не подобает в обители быти питию.

Слово 10. Яко не подобает в обители жити отрочаком.

Слово 11. Яко не подобает в обители женскому входу быти⁴⁷.

ствования, составлявшая основной стержень учения Нила, обусловила и критическую «либеральную» постановку вопросов внешней обрядности, которая имеет место в его «Уставе». Угодной богу Нил считал внутреннюю «умную» молитву, а не бесконечное повторение словесных молитв. «И се апостолу завещавшу о умной молитве и утвердившу наипаче, еже сице рекшу: хошу пять слов умом моим рещи, неже тму слов языком»⁴⁹, — писал Нил. Он предупреждал также против формального отношения к посту: «Здравии и юнии да утомляют тела постом и жаждою и трудом по возможному; стари же и немощни да упокояют мало»⁵⁰. Украшение церквей Нил считал излишним, полагая, что ценности следует раздавать нищим⁵¹.

Иную направленность имел «Устав» Иосифа Волоцкого. Иосиф сосредоточивает свое внимание не на внутренней духовной стороне жизни инока, а на ее внешних проявлениях. «Устав» Иосифа определяет поведение иноков во время соборной молитвы, трапезы, после «павечерницы» и т. д., и во всех случаях он требует соблюдения строго порядка и дисциплины⁵². Цель «Устава» — создание строго регламентированного спаянного железной дисциплиной «общежития» монахов. Если «Устав» Нила Сорского по своему характеру представлял собой скорее нравственное руководство для иноков, то «Устав» Иосифа Волоцкого — это дисциплинарный регламент, регулирующий распорядок монастырской жизни.

Противоположность учений Нила Сорского и Иосифа Волоцкого еще более ярко обнаруживается в трактовке темы нестяжания и связанного с этим вопроса об организации монашества.

Как справедливо отметил Я. С. Лурье, Иосиф Волоцкий в краткой редакции своего «Устава» выступает последовательным сторонником принципа личного нестяжания иноков в его наиболее крайней форме — в форме отказа от всякой индивидуальной собственности. Инок не должен иметь никакой собственности: «...да отречеши всякия вещи, да не имаша власти ни над чашею», — наставлял Иосиф инока⁵³.

Но принцип личного нестяжания иноков сочетался у Иосифа с принципом «коллективного» монастырского стяжания. Уже в ранний период своей деятельности Иосиф был

⁴⁶ Нила Сорского предание и устав, 1912, стр. 15—16.

⁴⁷ Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 120.

⁴⁸ Нила Сорского предание и устав, стр. 38—60.

⁴⁹ Там же, стр. 11.

⁵⁰ Там же, стр. 9.

⁵¹ Там же, стр. 8.

⁵² Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 123.

⁵³ Там же, стр. 121.

сторонником монастырского землевладения и вотчинных прав монастырей. Этот вывод вытекает из содержания краткой редакции «Устава» Иосифа, хотя в ней автор нигде не говорит об имущественных правах монастырей. «Устав» был рассчитан на общежительный монастырь (эту форму организации монашества Иосиф считал идеальной). Но в условиях русской действительности XV—XVI веков общежительные монастыри, как правило, были монастырями-вотчинниками, феодальными собственниками. Поэтому мы считаем, что то решение вопроса об организации монашества, какое Иосиф дает в своем «Уставе», является достаточным основанием для суждения о его отношении к вотчинным правам монастырей.

Дополнительный материал для характеристики отношения Иосифа к вопросу о монастырских имуществах в первый период его деятельности дают произведения, написанные им в конце XV века. Из них особенно важно для интересующей нас темы «Сказание о спасительных и душеполезных книгах, о сенанике и о повседневном поминании», входящее в состав предисловия Синодика Волоколамского монастыря⁵⁴. «Сказание...» представляет собою рассуждение о пользе «спасительных и душеполезных» книг — Синодика и Помянника. Своё рассуждение автор строит следующим образом: «Сиа убо спасительныя книги всех божественных писаний полезнейши суть», ибо «божественное писание живыа ползует», а книги «и по смерти ползуют умерших душа», избавляют их от вечных мук и позволяют «сподобитися вечных благ в будущем веце». Но избавлением от вечных мук и приобщением к райскому блаженству не ограничивается польза, приносимая «спасительными и душеполезными» книгами. Они приносят огромную пользу и в «нынешнем веце», ибо «сих ради бывает и монастырская създаение, и божественныа церкви съставление, и еже в ней всяческих и божественных вещей устроение, и украшение все честными иконами, и еже на стенах писанием, и животворящими кресты, и божественными Еуангелии, и священными съсуды, и святыми ризами, и всеми вещми церковными, еже от злата и сребра и бисера сътвореными, и святыми книгами. И сих ради бывает весь церковный доволь: и священником же, и диаконом, и всем церковным служителем, и всем братиям телесный покой, пища же, и питие, и одежда, и обуша, и келейное устроение, и еже в келиах вся-

⁵⁴ Предположение о принадлежности «Сказания...» Иосифу Волоцкому и о датировке его концом XV века высказал А. А. Зимин (А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 168—169). Обоснование этого предположения нами дано ниже (см. стр. 342—354).

ческих нужных вещей доволь, еще же и села, и вертограды, и реки, и езера, и пажити, и вся животная, и четвероногая»⁵⁵. Основной задачей «Сказания...» является, как мы видим, обоснование необходимости и полезности «вкладов по душе», причем автор в своем изложении уделяет внимание не столько пользе, приносимой ими в «будущем веце», в загробной жизни, сколько пользе, которую они дают «в нынешнем веце»: он всячески подчеркивает, что Синодик и Помянник, куда записывались лица, вносившие вклады, являются источниками церковных и монастырских богатств и, в частности, монастырского землевладения.

Для характеристики идеологии Иосифа Волоцкого первого периода его деятельности и раннего иосифлянства вообще весьма показательно также то обстоятельство, что Синодик Волоколамского монастыря, начало которого было написано собственноручно Иосифом⁵⁶, включал в свой состав не только обычные для синодиков помянник и предисловие, но и записи вкладов, вносившихся в монастырь с момента его основания. Записям вкладов предпослано небольшое вступление, составленное, по-видимому, также Иосифом, в котором указывается, что сделаны они для того, чтобы незабвенны были благодеяния вкладчиков и не исчезла бы память о них⁵⁷. Состав Синодика Волоколамского монастыря, анализ произведений Иосифа, написанных им для предисловия Синодика, наглядно показывают, что Иосиф и в ранний период своей деятельности стоял на почве признания монастырского землевладения и рассматривал его как основу благосостояния монастырей. О том, что Иосиф считал нормальным владение монастырей крестьянами, свидетельствует другое его произведение, относящееся к этому периоду, — «Послание монахам Пафнутьевского Боровского монастыря»⁵⁸; здесь Иосиф жалуется на обиды и насилия, чинимые княжескими властями монастырским «сиротам», что тяжело отзывалось на положении монастыря. Таким образом, проповедь личного нестяжания сочеталась у Иосифа Волоцкого с признанием коллективного стяжания, признанием права монастырей на владение вотчинами и эксплуатацию крестьянского труда.

Нестяжательство Нила Сорского имело принципиально иной характер: оно не ограничивалось рамками личного нестяжания. Хотя в своих произведениях Нил Сорский прямо не высказался о монастырских имуществах и монастырском стя-

⁵⁵ Наст. изд., стр. 355—356.

⁵⁶ См. ниже, стр. 343.

⁵⁷ Наст. изд., стр. 357.

⁵⁸ Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 144—145.

жании, но несомненно, что все его учение представляло собою их отрицание.

Этот вывод определяется прежде всего тем решением вопроса об организации монашества, которое Нил Сорский дает в своем «Уставе». В 11-м слове «Устава», разбирая три «устроения иноческого жительства» — отшельничество, скитничество и общежитие, — Нил приходит к выводу о целесообразности «среднего пути»: «с единым или множам с двема братома житие». Этот путь является наилучшим, ибо уединившиеся вместе два-три инока могут друг друга наставлять и помогать друг другу в борьбе с бесами и страстями. Все нужное для жизни («нуждную потребу») они должны приобретать «от трудов своих»; лишь в случае необходимости они могут принимать «мало милостыни», «излишних же всячески ошаатися»⁵⁹. Таким образом, скит в представлении Нила — это объединение двух-трех иноков, всецело посвятивших себя богу и живущих трудами рук своих. Само собой разумеется, что признание скита основной формой монашества означало *de facto* отрицание монастырского землевладения.

Для характеристики отношения Нила Сорского к стяжательской деятельности монастырей-вотчинников интересно следующее место из 5-го слова его «Устава». Рассуждая об иноческой гордыне, Нил пишет: «А еже от места имя имети добрейша монастыря, и множайшей братии, сие гордыни мирских, рекоша отци, или по удержавшему ныне обычаю, от стяжании сел и притяжании многих имении, и от предспеания в явльниих к миру»⁶⁰. Распространившийся «ныне» среди монахов обычай гордиться богатствами своего монастыря Нил приравнивает к мирской гордыне. Как резко отличается это высказывание Нила от наставления Иосифа монахам Волоколамского монастыря бережно хранить память о вкладчиках, создавших своими вкладами монастырское богатство,⁶¹

Что вотчинный быт монастырей для Нила был неприемлемым, свидетельствует и его рассуждение о милостыни, которую иноки могут принимать от христолюбцев. В «Предании», которое Нил предпосылает своему «Уставу», подчеркивая, что иноки «дневную пищу и прочая нужная потребы» должны получать «от праведных трудов своего рукоделия и работы», Нил пишет далее: «Аще ли не удовлмися в потребах наших от делания своего за немощь нашу или за иную некую вину благословну, то взимати мало милостыня от христолюбцев

⁵⁹ Нила Сорского предание и устав, стр. 87—90.

⁶⁰ Там же, стр. 59.

⁶¹ Наст. изд., стр. 357.

нужная, а не излишняя. Стяжания же, иже по насилую от чужих трудов събираема, вносити отнюдь несть нам на ползу»⁶². Но если для Нила была неприемлемой милостыня инокам, имевшая своим происхождением «стяжание по насилую от чужих трудов», то тем более неприемлемым для него было владение монастырей вотчинами, ибо оно означало признание за монахами права на стяжание «от чужего» — крестьянского труда.

Но если Нил был противником вотчинных прав монастырей, то почему ни в одном из его произведений мы не найдем прямых и определенных высказываний по этому поводу? Это, на первый взгляд странное, явление объясняется, как нам кажется, характером мировоззрения Нила и теми целями, которые он перед собой ставил.

Целью Нила была реформа монашества. Объективным результатом этой реформы должна была явиться ликвидация монастырских вотчин. Но в силу созерцательности, свойственной мировоззрению Нила, его интересовал не этот объективный и наиболее важный результат. Его внимание было сосредоточено на внутреннем мире инока, и изменение этого внутреннего мира, внутреннее самосовершенствование, победу над «страстными помыслами» он считал главным. Характерно, что необходимость распространения скитов и замену ими других форм монашества Нил мотивировал также соображениями нравственного порядка: соединенными усилиями двух-трех иноков легче всего бороться с бесами и страстями⁶³.

Произведенное сопоставление наиболее характерных черт учений Нила Сорского и Иосифа Волоцкого (как они сложились к концу XV века) позволяет сделать вывод о том, что в это время в русской церкви уже оформились (в своих основных чертах) два идеологических течения.

Возникновение их было связано с широко распространившейся в обществе критикой пороков православной церкви — нападками еретиков на феодальную церковную организацию в целом и протестом против монастырского землевладения, охватившим, как мы указывали, различные слои населения. Представители обоих течений ставили своей конечной целью укрепление православной церкви, но к этой цели они шли разными путями. Иосифляне, отражавшие интересы крупных церковных феодалов, стремились достигнуть усиления церкви путем реорганизации только монашеского быта (вве-

⁶² Нила Сорского предание и устав, стр. 5—6.

⁶³ См. выше, стр. 24.

дения строгого общежития) при сохранении прежней материальной базы монашества — монастырских вотчин. Нестяжатели выражали настроения той части духовенства⁶⁴, которая считала, что добиться поднятия авторитета церкви можно путем коренной реформы монашества, сводившейся к замене монастырей скитами и (объективно) к ликвидации монастырских вотчин.

Стремление к созданию сильной независимой церкви и сохранению ее материальной базы определили политическую ориентацию воинствующих церковников конца XV века. В «Слове кратком», созданном, как мы уже указывали, в кружке новгородского архиепископа Геннадия, развивались идеи о превосходстве «священства» над «царством», то есть духовной власти над светской. В ранних произведениях Иосифа Волоцкого открыто высказывалось отрицательное отношение к великокняжеской власти, поднявшей руку на церковную собственность и покровительствовавшей еретикам. В своей практической деятельности Иосиф в этот период ориентировался на удельных князей⁶⁵.

Политическое лицо нестяжателей конца XV века не было определенным. Но, возникнув как внутрицерковное течение, нестяжательство очень скоро вышло за рамки церкви и получило отклик в иной социальной среде. В начале XVI века великокняжеская власть сделала попытку использовать учение нестяжателей для обоснования своих секуляризационных планов.

4

К началу XVI века были решены важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, стоявшие перед правительством Ивана III: основные русские земли признали власть великого князя, было свергнуто татарское иго, нанесен удар по Литве и Ливонскому ордену — согласно миру, заключенному в 1503 году, Великое княжество Литовское возвращало Русскому государству Чернигово-Северскую землю, а Ливонский орден признавал верховные права великого князя на Юрьев. Положение правительства Ивана III было прочно,

⁶⁴ Я. С. Лурье считает, что учение Нила Сорского отражало интересы черного духовенства севера, где благодаря сопротивлению крестьян монастырская колонизация могла происходить не столько за счет расширения вотчин уже существующих больших общежительных монастырей, сколько за счет маленьких скитов, вновь создаваемых на еще не освоенной территории (см.: Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского. ТОДРЛ, т. XIII, 1954, стр. 210).

⁶⁵ Я. С. Лурье. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель. В кн.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 29—30, 33—36, 41—54.

как никогда. Именно поэтому в 1503 году великий князь решил наконец открыто поднять руку на церковные земли и поставить вопрос об их секуляризации.

Вопрос о секуляризации церковных земель рассматривался на соборе 1503 года. Благодаря постановке этого вопроса значение собора вышло далеко за рамки церковной жизни, и поэтому деятельность его неоднократно привлекала внимание исследователей. Согласно традиционной точке зрения, вопрос о секуляризации монастырских земель был поднят на соборе нестяжателями, пользовавшимися сочувствием великого князя или даже действовавшими по его прямой указке.

В некоторых новейших исследованиях это традиционное представление о соборе 1503 года подвергается пересмотру. Так, автор книги, посвященной рассмотрению борьбы вокруг монастырского землевладения в XVI веке, Г. Н. Моисеева, делает вывод о том, что нестяжатели на соборе 1503 года против монастырского землевладения вообще не выступили⁶⁶.

Свой вывод Г. Н. Моисеева обосновывает результатами произведенного ею анализа источников, содержащих известие о соборе 1503 года. Г. Н. Моисеева указывает, что известие о выступлении нестяжателей на соборе против вотчинных прав монастырей содержится в публицистических произведениях середины XVI века — «Письме о нелюбках», «Житии Иосифа, составленном неизвестным», «Житии Серапиона, архиепископа новгородского». По мнению Г. Н. Моисеевой, это известие не заслуживает доверия, ибо оно «противоречит» данным ранних источников — доклада собора 1503 года великому князю в защиту церковных имуществ и сочинений Вассиана, в которых о выступлении нестяжателей ничего не говорится. Особому сомнению Г. Н. Моисеева подвергает рассказ о соборе 1503 года в «Письме о нелюбках», опираясь при этом на некоторые фактические неточности, имеющиеся в этом источнике⁶⁷. Г. Н. Моисеева полагает, что известие «Письма о нелюбках» о выступлении на соборе Нила Сорского против монастырского землевладения было «выдуманно» в середине XVI века иосифлянами (автор «Письма о нелюбках», по мнению Г. Н. Моисеевой, — иосифлянин), которые инициативу постановки вопроса о секуляризации церковных земель приписали Нилу Сорскому с тем, чтобы таким

⁶⁶ Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. Л., 1958, стр. 20—33.

⁶⁷ В «Письме о нелюбках» сообщается об участии в соборе Паисия Ярославова, умершего в действительности в 1501 году (см.: А. А. Зимин. Ук. соч., стр. 170—171).

образом завуалировать истинную роль Ивана III и скрыть свои бывшие разногласия с великокняжеской властью в вопросе о церковном землевладении⁶⁸.

Аргументация Г. Н. Моисеевой не представляется нам убедительной. Прежде всего следует отметить, что в источниках, содержащих сведения о соборе 1503 года, никаких противоречий не имеется. Отсутствие каких-то сведений в одних источниках и наличие их в других объясняется тем, что различные источники касаются различных моментов деятельности собора. В сочинениях Вассиана имеется сообщение о начальном моменте — созыве собора по инициативе великого князя⁶⁹; доклад, излагающий точку зрения иосифлянского большинства, с которым согласился великий князь, рисует последний, вернее предпоследний, этап работы собора⁷⁰ (определение собора о церковных землях не сохранилось). Поскольку оба источника совершенно не освещают хода собора и происходившей на нем борьбы, постольку, естественно, что в них отсутствуют сведения о выступлении Нила Сорского (так же, впрочем, как и Иосифа Волоцкого). Автор же «Письма о нелюбках», напротив, ничего не говорит ни об обстоятельствах созыва собора, ни о его результатах. Рассказывая о соборе, он сосредоточивает внимание на изложении спора между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким по вопросу о церковном землевладении; это определялось, как нам кажется, задачей, стоявшей перед автором «Письма о нелюбках», — дать историю «нелюбок», историю разногласий между иосифлянами и нестяжателями, а отнюдь не историю собора в целом⁷¹.

Наиболее полное освещение деятельности собора содержится в «Житии Иосифа, составленном неизвестным». В нем рассказывается о том, что епископы и пресвитеры дважды «царскими писменами» и по «царскому велению» собирались на собор для обсуждения вопроса о вдовых полах и о монастырских землях (очевидно, в работе собора имел место пе-

⁶⁸ Г. Н. Моисеева. Ук. соч., стр. 20—33.

⁶⁹ См. ниже, стр. 30, прим. 77.

⁷⁰ См. ниже, стр. 33—34.

⁷¹ Спор о монастырских землях на соборе 1503 года между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким — это первая «нелюбка», о которой сообщает автор «Письма...»; вторая «нелюбка» — полемика в связи с выступлением Вассиана Патрикеева (после смерти Нила Сорского) против монастырского землевладения; третья — спор между Вассианом и Иосифом о судьбе еретиков; последняя «нелюбка» — конфликт из-за дела Дионисия Звенигородского и Нила Полева, обвинивших белозерских старцев в ереси и сосланных за это великим князем по наговору Вассиана (см.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 366—369).

рерыв), а также о том, что между нестяжателями и иосифлянами произошла борьба, закончившаяся победой иосифлянского большинства собора⁷². Таким образом, рассказ «Жития Иосифа» — единственного источника, освещающего весь ход собора, — подтверждает полностью те сведения об отдельных моментах его работы, которые мы находим в других источниках (на анализе известий о соборе 1503 года, имеющих в «Житии Серапиона, архиепископа новгородского», мы останавливаться не будем, так как они заимствованы из «Жития Иосифа, составленного неизвестным»⁷³ и ничего нового не дают).

Что касается второго аргумента Г. Н. Моисеевой, о том, что известие о выступлении нестяжателей на соборе 1503 года было «выдуманно» иосифлянами, то этот аргумент, по нашему мнению, является несостоятельным. Несостоятельность его становится очевидной при сопоставлении рассказов о соборе 1503 года в «Письма о нелюбках» и «Житии Иосифа, составленном неизвестным». Автор «Жития...», как мы уже отметили, также сообщает о выступлении нестяжателей на соборе; но в то же время он указывает, что собор был созван Иваном III, действовавшим в союзе с нестяжателями⁷⁴. Если согласиться с Г. Н. Моисеевой, которая считает, что факт выступления Нила Сорского на соборе 1503 года был «выдуман» иосифлянами с тем, чтобы таким путем скрыть позицию великого князя в вопросе о церковных землях и свои противоречия с ним, то тогда неизбежно возникает недоуменный вопрос: почему один иосифлянин, автор «Письма...», стремился эти противоречия скрыть (умолчав о роли Ивана III), а другой иосифлянин, автор «Жития...», не только этих противоречий не скрыл (сообщив о созыве собора по велению Ивана III), но даже подчеркнул тесный союз, существовавший между великим князем и нестяжателями — врагами иосифлян? Еще большее недоумение вызовет наличие известия о выступлении нестяжателей на соборе 1503 года в «Житии Серапиона, архиепископа новгородского». «Житие Серапиона» представляет собой памятник, возникший в нестяжательских кругах⁷⁵. Если руководствоваться тезисом Г. Н. Моисеевой о том, что известие о выступлении нестяжателей было придумано иосифлянами, потому что оно было им выгодно,

⁷² Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. М., 1903, стр. 36—39.

⁷³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871, стр. 291.

⁷⁴ См. ниже, стр. 31, прим. 79.

⁷⁵ Иосифовская летопись. М., 1957, стр. 11.

то станет совершенно непонятно, почему это известие оказалось включенным в памятник, вышедший из лагеря, враждебного иосифлянам.

Нам представляется, что для пересмотра традиционной точки зрения о выступлении на соборе 1503 года нестяжателей нет никаких источниковедческих оснований. Отсутствие сведений о выступлении нестяжателей в ранних источниках объясняется, как мы указывали, тем, что эти источники не освещают, к сожалению, всей деятельности собора, не дают его истории. Наличие же в публицистических произведениях середины XVI века более подробных сведений о соборе 1503 года, в частности о происходившей на нем идейной борьбе, вполне закономерно, ибо авторы их, писавшие накануне Стоглавого собора в обстановке возросшего внимания к проблеме секуляризации, не могли не интересоваться всеми подробностями собора 1503 года. Что касается самого факта выступления на соборе Нила Сорского с обоснованием проекта секуляризации монастырских земель, то оно представляло собою, как мы постараемся показать это ниже, логический шаг, продиктованный всем направлением и духом его учения.

Собор 1503 года был созван по инициативе великого князя — об этом свидетельствуют и Вассиан, и автор «Жития Иосифа, составленного неизвестным».

По-видимому, программа работы собора была довольно обширной: она включала ряд вопросов, имевших целью устранение некоторых особенно порицаемых в обществе пороков русской церкви, среди которых центральное место занимал вопрос о церковном землевладении. Однако программа работы собора была объявлена не сразу. Формально собор был созван для обсуждения вопроса о том, могут ли вдовы попы творить службы в церквях. На соборе были приняты решения о запрещении служб вдовым попам, а также о запрещении взимания «мзды» — платы за поставление церковнослужителей⁷⁶. И только когда было закончено обсуждение этих вопросов, собор перешел к рассмотрению главного вопроса своей программы⁷⁷.

⁷⁶ ААЭ, т. I, №№ 382—383.

⁷⁷ О том, что истинную причину созыва собора — стремление провести секуляризацию церковных земель — великий князь маскировал вопросом о вдовых попах, свидетельствует Вассиан в своем последнем полемическом сочинении: «О еже како в второе лето князь великий Иван Васильевич всея Руси повеле быти на Москве святителем, и Нилу и Осифу, попов ради, иже държаху наложницы; паче же рещи — восхоте отымати села у святых церквей и монастырей» (наст. изд., стр. 279).

С проектом секуляризации на соборе выступил не сам великий князь. «Письмо о нелюбках» сообщает, что вопрос о секуляризации был поставлен на соборе Нилом Сорским: «И егда совершися собор о вдовых попех и о дияконех, и нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукодельем, а с ним пустынники белозерские»⁷⁸. Вероятно, формально дело обстояло именно так, как сообщает автор «Письма», то есть на соборе предложение о секуляризации было внесено Нилом Сорским⁷⁹. Но поскольку собор был созван по велению великого князя, постольку естественным является предположение о том, что выступление Нила было согласовано с великим князем и, возможно, инспирировано им⁸⁰.

Целый ряд причин мог побудить великого князя поступить так: с одной стороны, в силу присущей ему осторожности Иван III не хотел публично выступать в роли инициатора секуляризации церковных земель; с другой — великий князь мог думать, что выступление Нила Сорского, к которому с пиететом относились в обществе, может склонить собор в пользу секуляризации; наконец (и это самое главное), в условиях господства средневекового религиозного мировоззрения выдвигать проект секуляризации церковных земель, не давая ему соответствующего религиозного обоснования, было невозможно, и неудивительно поэтому, что после разрыва с еретиками (а к 1503 году Иван III фактически порвал с ними) великий князь обратился к нестяжателям.

Что касается Нила Сорского, то для него выступление на соборе 1503 года против монастырского землевладения являлось естественным шагом, подготовленным содержанием и направлением его учения. Хотя, как мы уже отмечали, в сочинениях Нила Сорского отсутствуют прямые высказывания против монастырского землевладения, тем не менее его уче-

⁷⁸ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 367.

⁷⁹ Возможно, что выступление нестяжателей с проектом секуляризации имело место после окончания заседаний собора, посвященных вопросу о вдовых попах. Неизвестный автор «Жития Иосифа» сообщает, что после обсуждения этого вопроса участники собора разъехались, но затем вновь были созваны для рассмотрения вопроса о монастырских землях, так как об этом «молили самодержца» «некии отцы», любящие «безмолвное и уединенное житие» и болеющие «о стяжании сел монастырем». (См.: Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным, стр. 36—37).

⁸⁰ Именно так представляли себе дело исследователи, с которыми Г. Н. Моисеева спорит, стрищая без достаточных оснований факт выступления нестяжателей на соборе 1503 года (см., например: В. М а л и н и н. Старец Елиазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 630—631; А. А. З и м и н. Ук. соч., стр. 169).

ние означало по существу отрицание вотчинных прав монастырей⁸¹. Поэтому когда по велению великого князя Нил прибыл в Москву для участия в соборе⁸², то он легко смог принять на себя роль инициатора постановки вопроса о секуляризации монастырских земель. Сделать это могло побудить его также и то обстоятельство, что в секуляризаторских планах великого князя Нил мог усмотреть действенное средство для реорганизации монашества на началах полной нестяжательности.

Так борьба, происходившая в Русском государстве вокруг вопроса о монастырском землевладении, способствовала, с одной стороны, сближению великого князя с нестяжателями⁸³, а с другой — побудила их идейного вождя, Нила Сорского, сделать логический, вытекавший из его учения вывод — сформулировать тезис о недопустимости для монастырей владеть селами. Собор 1503 года способствовал, таким образом, окончательному оформлению нестяжательства как идеологического течения, отрицавшего монастырское землевладение и вотчинные права монастырей.

В защиту церковных имуществ выступило иосифлянское большинство собора. «Письмо о нелюбках» в качестве главного оппонента Нила Сорского называет Иосифа Волоцкого⁸⁴. В «Житии Иосифа» говорится о выступлении в защиту церковных земель «преподобных мужей... движимых любовью к богу», но после изложения их аргументации указывается, что «в сих же сьвопрошанних Иосиф разумно и добре, различняя лучшая к лучшим, смотря обоюду ползующая»⁸⁵. Таким образом, в «Житии» также подчеркивается активная роль Иосифа Волоцкого в борьбе за неприкосновенность церковного землевладения.

Защитники церковного землевладения указывали на соборе, что монастыри издавна владеют землями, так как еще ктитория — основатели монастырей наделяли их селами с тем, чтобы доходы с них употреблялись на содержание храмов, для нужд богослужения, а также для благотворитель-

⁸¹ См. выше, стр. 23—25.

⁸² См. выше, стр. 30, прим. 77.

⁸³ Отношения между нестяжателями и Иваном III в «Житии Иосифа» характеризуются следующим образом: «И сих ради молиша (нестяжатели.— Н. К.) самодержца, яко имуще дръзновение к нему, ради бо крепкаго их жителства и добродетели множества зело от самодержецъ приемдеи и почитаеми». (См.: Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным, стр. 37).

⁸⁴ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 367.

⁸⁵ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным, стр. 37—39.

ных целей⁸⁶. К этим доводам Иосиф прибавил еще один, чрезвычайно практический по своему характеру: если у монастырей не будет сел, то как смогут постригаться почетные и благородные люди? А если не будет почетных и благородных старцев, то неоткуда будет брать кандидатов в митрополиты, архиепископы и т. д., и от этого сможет поколебаться вера⁸⁷.

На соборе победила точка зрения иосифлянского большинства. Собор составил доклад великому князю в защиту церковных имуществ, содержащий обширную аргументацию исторического и канонического характера. Доклад начинается с указания на то, что «събор был о землях церковных, святительских, монастырских»⁸⁸. Симон, митрополит всеа Руси, и с всем священным събором пръвое сие послаша послание к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси с дьяком с Левашом». Далее следует текст послания, переданного великому князю дьяком Левашом. Послание содержит обращение собора к великому князю, в котором исконность и неприкосновенность церковных и монастырских земель обосновывается ссылками на узаконение византийских императоров и постановления вселенских соборов, а также указанием на то, что на Руси начиная со времен Владимира и Ярослава и до сих пор «святители и монастыри грады, и власти, и села, и земли держали».

Очевидно, аргументация, содержащаяся в списке доклада, переданном через дьяка Леваша, не удовлетворила великого князя, так как члены собора во главе с митрополитом Симоном лично явились к великому князю и прочли ему новый вариант доклада. В этом новом варианте доклада прежняя аргументация дополнена обширными выдержками из библии, устанавливающими неприкосновенность жреческих земель, а также ссылками на восточных и русских святых основателей монастырей, которые «села имели».

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 367.

⁸⁸ Все источники, содержащие известия о соборе 1503 года, сообщают о рассмотрении собором вопроса о секуляризации монастырских земель. И лишь в соборном докладе отмечено, что «събор был о землях церковных, святительских, монастырских». Противоречие в показаниях источников объясняется, очевидно, тем, что в центре внимания собора стоял вопрос о монастырских землях, и это нашло отражение в источниках, освещающих ход собора. Но в ходе обсуждения вопрос о вотчинных правах монастырей неизбежно должен был перерасти в вопрос о вотчинных правах церкви в целом. Победившее иосифлянское большинство внесло в соборный доклад пункты, обосновывавшие святость и неприкосновенность всех видов церковного землевладения.

Но не так-то легко было убедить великого князя отказаться от проекта секуляризации церковных земель. Собору пришлось через дьяка Леваша посылать новое послание, в котором более подробно освещалась деятельность русских князей, наделявших церковь землями и защищавших неприкосновенность их своими уставами. Заканчивался доклад торжественным утверждением о том, что «вся таковая стяжания церковная — божия суть стяжания, возложена и нареченна и дана богу и не продаема, ни отдаема, ни емлеманиким никогда ж в веки века и нерушима быти, соблюдатися, яко освященно господеву и благоприятно и похвально»⁸⁹.

Доклад собора Ивану III показывает, что группировка духовенства, возглавлявшаяся Иосифом Волоцким, сформулировала на соборе тезис о неприкосновенности церковных имуществ, снабдив его целой системой исторической и канонической аргументации. И это делает собор 1503 года важной вехой в истории иосифлянства.

Мы видели, что Иосиф Волоцкий с самого начала своей деятельности был сторонником монастырского землевладения и вотчинных прав монастырей — это доказывается и его отдельными ранними произведениями, и тем, как в краткой редакции своего «Устава» он решал вопрос об организации монашества⁹⁰. Но вплоть до собора 1503 года Иосиф не ставил вопроса о церковных имуществах в теоретическом плане. Это было обусловлено, как нам кажется, двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что до начала XVI века главной задачей воинствующих церковников являлась борьба с еретиками; во-вторых, тем, что мероприятия, проводившиеся правительством с целью ограничения церковного землевладения в конце XV века, не представляли для церкви такой грозной опасности, как постановка вопроса о секуляризации на соборе 1503 года. Собор заставил иосифлян мобилизовать все силы на защиту церковных имуществ и, прежде всего, обосновать теоретически их неприкосновенность⁹¹. После собора 1503 года иосифлянство окончательно оформляется как идеология воинствующих церковников, ставив-

⁸⁹ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 322—326.

⁹⁰ См. выше, стр. 21—23.

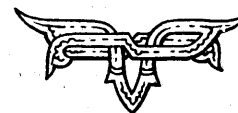
⁹¹ Мы уже указывали, что в связи с конфискациями церковных земель в Новгороде в самые последние годы XV века в кружке архиепископа Геннадия создается трактат в защиту церковных имуществ — «Слово кратко» (см. выше, стр. 17). Но основные идеи, заключавшиеся в этом трактате, были провозглашены в качестве официальных идей русской церкви лишь на соборе 1503 года, когда возникла опасность секуляризации всех церковных земель.

ших своей главной задачей наряду с борьбой с еретиками защиту материальных устоев церкви и, в первую очередь, церковного землевладения.

Положение об окончательном оформлении иосифлянства, так же как и нестяжательства, в связи с собором 1503 года не противоречит высказанному ранее утверждению о том, что оба течения в своих основных чертах сложились еще в конце XV века. Мы попытались показать выше, что в учениях Вила Сорского и Иосифа Волоцкого в конце XV века были налицо все те черты, которые отличают нестяжательство от иосифлянства, включая отрицание (*de facto*) первым вотчинных прав монастырей и признание этих прав вторым⁹². Созыв же собора для обсуждения вопроса о секуляризации церковных земель заставил представителей обоих течений уточнить свое отношение к этому вопросу, обосновав его теоретически. Этим был добавлен последний камень к грани, разделявший оба направления церковно-политической мысли.

На соборе 1503 года иосифляне победили. На их стороне оказалось руководство русской церкви в лице митрополита Симона. Великий князь, не решившийся пойти на ссору с господствующей группировкой духовенства, должен был согласиться с мнением собора. Вопрос о секуляризации церковных земель был временно снят. Но борьба вокруг вотчинных прав монастырей продолжалась и в последующее время, ибо рост монастырских вотчин продолжал с неослабевающей силой затрагивать жизненные интересы различных слоев русского общества.

Эта борьба лежала в основе той острой полемики, которая разгорелась между иосифлянами и нестяжателями в княжение Василия III, когда во главе нестяжателей стоял уже инок Вассиан, в миру князь Василий Иванович Патрикеев.

⁹² См. выше, стр. 21—25.